

By every morn I am awakened
Unto sweet mollitude and freedom, —

что приводит в ярость Уилсона: слово «mollitude», с его точки зрения, — архаизм.

Я сам пытался переводить Пушкина, в том числе «Пир во время чумы» со знаменитыми песнями Мери и Председателя, и потому не считаю себя вправе вторить колкостям Набокова по адресу западных переводчиков (в данном случае английских, но и французские переложения Пушкина вызвали у него немало саркастических замечаний). И все же следует признать, что в области поэтического перевода едва ли не более, чем на иных поприщах человеческой деятельности, следует придерживаться мудрого совета: берегись друзей!

Перевод как таковой чаще всего неспособен перенести поэзию из одного языка в другой. Он устаревает, и каждое следующее литературное поколение должно заново переводить уже переведенное. Когда же речь идет о Пушкине, в котором романтик ужился с противником романтизма, насмешник — с человеком пылким, русский — с европейцем, шуточный скептик — с глубоко верующим, самое трудное — донести до тех, кто не может прочитать оригинал, «национальный характер» русского поэта. При попытке его подчеркнуть Пушкин почти неизбежно окажется националистом, которым он едва ли был. Старание вписать Пушкина в европейский контекст приведет к тому, что он превратится в эпигона. Воспитаннику Арины Родионовны и Бенжамена Констанана присуща парадоксальная простота, которую пока не удастся перенести в чужую культуру.

Смерть в мире Толстого: иллюзия или «последний враг»?

Конечна ли смерть в мире Толстого? Подчиняется ли она словам «Реквиема»: «Mors stupebit et natura / Cum resurget creatura»^{*}? Иначе говоря, верит ли Толстой в то, что смерть будет побеждена исторически, пока течет земное время, как проповедует апостол Павел в первом Послании к коринфянам: «Последний же враг истребится — смерть» (XV, 26)?

Или, может быть, Толстой сводит смерть к оптическому обману: мы думаем умереть, но рождаемся в новую жизнь. Мы будто бы засыпаем, а на самом деле пробуждаемся от сна... Мы

^{*} «И смерть прекратится, и природа оцепенеет, когда все сотворенное воскреснет» (лат.).